

ФРАГМЕНТЫ ИЗ «АННАЛОВ» ТАЦИТА В ПУТЕВОМ ДНЕВНИКЕ А.Н. МАЙКОВА 1842–1843 гг.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФГФ (грант № 07-04-00072а).

Впервые публикуются фрагменты путевого дневника А.Н. Майкова 1842–1843 гг., представляющие переводы и переложения глав из первых шести книг «Анналов» Тацита. Дается историко-культурный комментарий публикуемых записей. Особое внимание уделяется осмыслению общих принципов отбора материала для перевода, репрезентирующих особенности майковского понимания сути исторических процессов и позиций исторических лиц.

Ключевые слова: дневник; художественный перевод; философия истории; поэтика; стиль.

Путевой дневник А.Н. Майкова 1842–1843 гг. [1] принадлежит эпохе становления поэта, творческого и общемировоззренческого самоопределения. В 1842 г. он окончил университет и удачно дебютировал в литературе со сборником «Стихотворения Аполлона Майкова». Получив от правительства и Государя премию и длительный отпуск для поездки за границу, в августе 1842 г. Майков в сопровождении отца отправляется в долгожданное путешествие по Европе и возвращается на родину лишь в марте 1844 г., посетив проездом Данию, Швейцарию, Германию, Чехию и останавливаясь надолго во Франции и Италии [2. С. 25–26; 3. С. 454]. Путевой дневник представляет собой небольшой документ в 42 листа *in folio* и включает записи первых месяцев пути. В нем отражены впечатления от начала путешествия: отдал должное переживаниям разлуки с близкими, Майков описывает впечатления от посещения Копенгагена, тяжелого морского плавания, затем – от знакомства с Францией и Парижем и пути из Парижа в Италию через Швейцарию, Савойю и Альпы, наконец, первые месяцы пребывания в Италии (до марта 1843 г.)¹. Записи отличаются предельной тематической неоднородностью и жанровой пестротой, отражающей пластичность перемещения их автора в рамках разных жанров и стилей, свободный переход от художественного мышления к нехудожественному, и наоборот, диалог с культурой прошлого и настоящего [7. С. 21–28; 13].

В римской части дневника, значительно отличающейся в целом от традиционных образцов жанра характерными формальными особенностями, важное место занимают разного рода интертекстуальные вкрапления, в том числе переводы и переложения из «Анналов» Тацита. Изучение сочинений римского историка связано как непосредственно с пребыванием Майкова в Италии, так и с кругом интересов молодого поэта. С юных лет он серьезно занимался изучением истории, сначала под руководством В.А. Солоницына, «<...> подробно. По запискам, которые мы составляли по Герену, Мишле, Деми <нрзб.> и <Мишоту>» [8. Л. 5 об.]. В годы учебы в университете предметом его особого интереса была славянская история. Результатом этого стала диссертация «Первоначальный характер законов по источникам славянского права» [Там же. Л. 6 об.].

В этом широком контексте интереса к истории вообще трудно предположить, что Майков не был знаком с сочинениями Тацита, однако первые упоминания о нем появляются только в путевом дневнике 1842–1843 гг. После удовлетворения первого любопытства путешественника, наконец-то достигшего Вечного го-

рода, и осмотра известнейших памятников искусства, среди которых Колизей, дворцы римских императоров и многое другое, Майков делает в дневнике подробную запись, описывающую устройство Колизея, после чего называет осмотренные памятники Палатинского и Целийского холмов. Следующая запись, датированная 12 декабря, фиксирует осмотр новых мест: «День, исполненный великих подвигов. Совершил путешествие пешком по Альбанской дороге до гробницы Цецилии Метеллы. Причем осмотрел, кроме этой гробницы, цирк Ромула, сына Максенция, храм Чести и Доблести, Templum Honoris et virtutis, несколько гробниц, columbarii, часть Аврелиановой стены, Porta Appia, Arca Druzii и термы Каракаллы, Termae Antoniarum» [6. С. 21]. Далее он дает подробное описание цирка Ромула, «который лучше всех сохранился от множества цирков Древних Римлян» [Там же. С. 22]. Заканчивается запись следующим замечанием: «Для меня такое описание фактов гораздо более живописует величие римского народа, великого даже в своих забавах, нежели торжественная декламация писателей. Здесь каждая черта помогает разыграть воображению и не растягивает его, как возглас Шатобриана. В Ромуловом цирке, который один сохранился, довольно, чтобы дать нам идею этой забавы римлян, помещалось только 15 000 человек. Что же было такое Circus Maximus, построенный еще Ромулом <...> потом распространенный при императорах до того, что мог вмещать в себя до 300 000 с лишком зрителей! И все было тесно для народа, который, избирая нового императора, требовал от него только “хлеба и зрелищ”!» [6. С. 24–25]. Эти слова позволяют нам предположить, что Майкову интересно не только описание памятника как такового, но и отразившиеся в архитектурных сооружениях черты общественной и духовной жизни римского народа, для удовлетворения потребностей которого были построены эти здания. Таким образом, уже в дневнике начинают формироваться характерные особенности мышления Майкова как историка и теоретика искусства, которые затем обусловят его подходы к трактовке проблемы современного содержания искусства в статьях о выставках в Академии художеств, написанных в 1847–1853 гг. [9].

Памятники искусства воспринимаются Майковым как часть духовной культуры римского народа, их существенные особенности обеспечены комплексом интересов и потребностей современного человека. Интерес к содержанию общественной жизни Древнего Рима закономерно приводит Майкова к чтению исторических и художе-

ственных произведений об этом, в результате чего на страницах дневника появляются имена Шатобриана, Шампаньи и Тацита. Формальным поводом взяться за чтение «Анналов» оказывается недомогание, которое позволяет сделать передышку в археологических изысканиях и переосмыслить увиденное; 29/17 декабря Майков записывает: «Все время болел; путешествия по Риму прекратил; читаю Шампаньи и Тацита» [1. Л. 26 об.]. Если имя Шампаньи более в дневнике не упоминается, то Тацит, очевидно, производит на Майкова глубокое впечатление и становится предметом последовательного изучения и размышления. Следствием этого оказывается появление в тексте дневника форм «чужого» слова: переводов и переложений фрагментов «Анналов», сопровождаемых короткими оценочными замечаниями.

Майков читал Тацита в оригинале в двуязычном французском издании, в котором латинский текст был представлен параллельно с переводом на французский язык [10]. На это указывает короткое замечание в дневнике, следующее за первым упоминанием факта чтения и выписанным текстом 22-й главы I книги «Анналов», посвященной описанию одной из сцен бунта римских легионов в Паннонии при воцарении Тиберия: «Удивительная сила! Всего 15 строк, а в переводе у De Lamalle 18, сжатых и мелкой печати. Попробую перевести» [1. Л. 26 об.]. Майков знал латинский язык с юности, он скрупулезно изучал его в течение года для поступления в университет, начав при этом с грамматики и добиваясь свободного владения переводами речей Цицерона и произведений древнеримских историков [8. Л. 6]. В письме к Я.К. Гроту (октябрь 1866 г.) Майков вспоминал: «Когда мне исполнилось пятнадцать лет, решили отдать меня в университет: оказалось, что надо знать по-латыни. Взяли студента медицины, экс-семинариста, но в год – я загонял его; довольно сказать, что перевел всего Саллюстия письменно, три биографии из Непота и три речи Цицерона» [11. С. 173]. В годы учебы в университете он читал «труды древних классиков права» [2. С. 17].

Приведенное нами замечание свидетельствует о том, что Майков воспринимает Тацита не только как историка, но прежде всего как художника, передающего нравственное состояние эпохи, в данном случае смутного времени прихода к власти Тиберия. Двуязычное издание, дающее возможность сопоставлять оригинал и перевод, позволяло почувствовать своеобразие стиля латинского текста и его содержательную емкость, обратить внимание на особенности синтаксиса и отбор лексических единиц. Высказанное Майковым короткое замечание указывает на то, что его пристальный интерес вызывает не только само содержание произведений римского историографа. Внимание молодого поэта привлекает идеостиль Тацита, краткость и лаконизм высказывания при емкости и глубине фактического и субъективно-оценочного содержания «Анналов». Далее в дневнике представлен перевод этого отрывка со множеством исправлений, которые демонстрируют стремление переводчика передать лаконизм изложения, содержательную глубину и драматизм оригинального текста. В переводе Дюро до Ламалля Майкова, очевидно, не устраивает растянутость, многословие, которые часто возникают в переводах латинских авторов на европейские языки, поскольку воспроизве-

дение риторического рисунка латинского текста требовало использования дополнительных лексических единиц. Майков жертвует точностью воспроизведения риторических фигур для сохранения лаконизма и напряженности оригинала и русифицирует стиль, приближая его к стилю русской повествовательной прозы. Кроме того, он допускает синонимические замены ряда слов, усиливая экспрессивность прямой речи: «Беспорядок усилился; бунт приобрел новых [зачинщиков] *простой ратник* Вибулен, поднятый на руках воинами, [говорил произнес возгласил к возмущенной толпе, взиравшей с вниманием] [перед] *ввиду толпы, любопытствовавшей*, что значат эти приготовления, *возгласил* «Вы возвратили жизнь и свет дневной [этим] сим невинным мученикам. Но кто возвратит жизнь моему брату, кто отдаст мне моего брата? Отправленный к вам от Германск[ского]их легионов для совещания об общем деле, он [был] зарезан гладиаторами, которых Блез [дерзко] собрал и вооружил [с тем, чтоб истребить все <1 нрзб.>] *на погибель нам всем*. Ответствуй, Блез, [куда ты бросил труп] *где труп его?* И враги позволяют похоронить усопших. Дай мне излить мою горечь [лобызая мертвое тело и плача над ним] *лобзаниями и плачем над мертвым телом*; потом [убей меня / вели меня убить] *веди и меня на казнь*. [Товарищи воздадут не откажут последнюю честь нам, обоим падшим] Легионы, за пользу которых мы пали, не откажут нам в последней чести (здесь и далее при цитировании переводов Майкова из Тацита в квадратных скобках даны зачеркнутые слова, курсивом – вписанные исправления. – О.С.)» [1. Л. 27].

Дневниковые записи свидетельствуют о том, что в первые месяцы по приезду в Рим в течение зимы 1842–1843 гг. при обилии внешних впечатлений от осмотра Вечного города и общения с новыми знакомыми, прежде всего русскими художниками, жившими тогда в Риме, Майков последовательно читает «Анналы» Тацита, записывая в дневнике переводы и переложения тех глав, которые более всего привлекли его внимание. Интересным и репрезентативным для изучения творческого и умственного развития поэта этого периода становится сам отбор глав. Так, Майкова привлекает уже упомянутая выше сцена бунта, в связи с которой он далее переводит часть XXV главы, описывающей усмирение бунта сыном Тиберия Друзом. Интерес к переводу этого фрагмента связан с объективной драматической напряженностью самой сцены и с указанными уже выше особенностями стиля Тацита, которые проявились здесь во всей полноте: «Передстал Друз и рукою [давал] дал закон молчанию. Бунтовщики [смотря на свои огромные ряды] озирая свои многочисленные ряды, испускали радостные и угрожающие вопли; глядя на Цезаря, трепетали. То ропот, то клики, то мертвая тишина. [напряжение, царствовавшее в стане] Смотри по движению души [души, они то страха или дерзости] они то были страшны, то сами страшились» [Там же].

Пять следующих страниц дневника занимает конспект, озаглавленный «Об архитектуре», в котором охарактеризованы предпосылки развития древних форм архитектуры и типология сформированных на их основании европейских архитектурных стилей. После кон-

спекта вниманием автора вновь овладевает Тацит. Читая «Анналы», Майков обращает внимание на историю Германика и переводит конец 60, 61 и 62-й главы первой книги, повествующих о погребении Германиком легионов Вара, уничтоженных Арминием. История Германика, очевидно, привлекает Майкова внутренним человеческим содержанием описываемых исторических событий и масштабом. Он пишет: «Тацит занимателен не менее Вальтера Скотта! Какими чертами он обрисовал благородного Германика! Как к нему привязываешься, как следешь за победами в Германии и борьбой с Арминием <...>» [1. Л. 31]. В подтверждение своих слов он коротко излагает описанную Тацитом во многих главах второй книги «Анналов» дальнейшую судьбу Германика, ставшего жертвой зависти Тиберия и злого высокомерия его ставленников: «<...> Тиберий, всевидящий из глубины своего Палатинского дворца, завидуя славе и народности Германика; следит за его движениями, уличая минуту оторвать его от трофеев, впрочем, не обнаруживая ни тени недоброжелательства. Он вызывает его в Рим, дает триумф, назначает консулом во 2-й раз, вместе с собою, и посылает усмирить волнения в Азии, назначив в то же время губернатором Сирии Кнея Пизона, человека высокомерного, женатого на Плавцине Плауцина, женщине тоже злой и гордой. Поселяли распри и раздоры между нею и Агриппиною, женою Германика, а Пизону дали инструкцию мешать Германику и наконец – умертвить. Так и сделалось: Германик усмирил беспорядки в Армении и поехал путешествовать из любопытства в Египет; на возвратном пути, в Антиохи, дали ему медленного яду, и он умер: там же, где умер Александр Македонский (параллель богатая). Смерть и скорбь народа заставляет плакать» [1. Л. 30].

Очевидно, что на фоне лицемерия и подлости Тиберия и его приспешников Майкова особенно привлекает в Германике его человеческое достоинство, нравственное здоровье, умение справиться с самыми сложными военными и политическими задачами и народная любовь к нему.

История Германика явилась основой одной из важнейших сюжетных линий второй книги «Анналов», описывающей начало правления Тиберия. Этот полководец был первой жертвой императора на пути к полному отказу от этических запретов. Краткость изложения содержания многих страниц книги свидетельствует о том, что в данном случае Майкова интересуют судьбы исторических личностей и проблема столкновения интересов незаурядных людей, отношения исторической личности и народа, а также проблема этики власти. Исторический материал, как и памятники искусства, привлекает его не только в своей конкретике, но и как предмет историко-социологического и психологического анализа в поисках закономерностей, объясняющих типологическое сходство ситуаций на разных этапах человеческой истории. Формирование такого подхода к восприятию любых объектов истории человеческой культуры в сознании Майкова определилось под влиянием чтения сочинений Гегеля, Мишо, Гизо, Мишле и других представителей новой философии истории и историографии [8. Л. 5 об. – 6]. В связи с этим глубоко закономерным оказывается введение в контекст чтения Тацита имени В. Скотта как писателя, определившего развитие нового исторического

мышления, нового понимания положения человека в историческом процессе, интереса к культурным и нравственно-психологическим факторам, обуславливающим последовательность исторических событий. Прямое сопоставление Тацита с В. Скоттом свидетельствует о том, что Майков видит в сочинениях античного автора современность и нравственно-психологическую глубину трактовки исторических событий.

По-видимому, как исторический анекдот, характеризующий эпоху, привлекает Майкова сюжет 49–51-й глав III книги «Анналов», который он излагает кратко и совершенно изменяет трактовку событий, данную автором: «Тацит <...> рассказывает пресерьезно <sic!> историю одного римского всадника, которая состоит в том, что он написал поэму на смерть Германика, имевшую большой успех и доставившую ему награждение от Тиберия. Между тем занемог Друз, сын Тиберия, и наш поэт Clutorius Priscus, заранее надеясь на награду, сочинил поэму на смерть его и читал ее по секрету друзьям, не могли выдержать тайны. На беду Друз выздоровел, про стихи узнали и по приговору Сената его умертвили в тюрьме» [1. Л. 32]. Рассказанное Тацитом серьезно как факт, свидетельствующий о неблагополучии эпохи, погрязшей в доносах и оговорах, в лицемерии и подлости Сената, сложившего с себя высокие нравственные обязанности служения правде и добру, Майков воспринимает иронически, превращает в сатирическую зарисовку, характеризующую не столько Сенат, позиция которого очевидна, но и человеческий облик римлян в целом.

Первые шесть книг «Анналов» живописуют эпоху правления Тиберия. Естественно, что внимание Майкова-читателя начинает все более привлекать фигура императора, столь тенденциозно описанная Тацитом. Это находит отражение в дневниковых записях. Выбор фрагментов показывает, что Майкова интересуют прежде всего не Тиберий-политик, а Тиберий-человек, сложность и противоречивость характера императора, постепенно предающегося своим порокам и теряющего человеческий облик, и сама атмосфера эпохи. Так, он включает в дневник сокращенный перевод 57–59-й глав IV книги «Анналов», в которых описывается отъезд Тиберия из Рима в 26 г., отражая в основном фактическое содержание сюжета и частично редуцируя авторские характеристики событий: «В 26-м году Тиберий, наконец, выехал из Рима в Кампанию под предлогом посвящения храмов Юпитеру в Капуе и Августу в Ноли. Я, говорит Тацит, согласно со многими историками, приписывал это удаление политике Сеяна; но т<ак> как и по смерти Сеяна Тиберий жил там еще шесть лет, то я думаю, что это было сделано по собственному его желанию [Тиберия] скрыть свой разврат и жестокость. Некоторые думают, что он стыдился своей гнусной старости: худого, высокого и сгорбленного тела; головы совершенно лысой; лица, покрытого болячками, нарывами и часто залепленного пластырями; <...> Спутниками его были Сеян, Нерва сенатор и юрист, Аттик римский всадник и еще несколько греческих литераторов, коих разговоры весьма забавляли его <...>. Однажды обедали они в одном гроте близ Спелунки (Spelunca, ныне Spelunga), находящейся между Гаэтанским заливом (mare Amuelanum) и горами Fandi. Вдруг камни [свалились] посыпались сверху и убили

несколько рабов. Собеседники разбежались, а Сеян прикрыл Тиберия своим телом» [1. Л. 32]. По-видимому, Майкова привлекает сам по себе беспрецедентный факт отъезда правителя из Рима и осмысление причин его, из которых он фиксирует в своем переводе те, которые кажутся ему наиболее вескими. К этому он добавляет информацию о спутниках Тиберия, представленную в следующей главе, но опускает большую ее часть, отражающую настроения римлян, уверовавших в предсказания астрологов и говоривших о близком конце Тиберия. Заканчивается этот эпизод сокращенным переводом начала следующей главы, повествующем об обвале камней в гроте, при котором Сеян спас Тиберия. Описав случай, Майков оставляет без внимания замечания Тацита о том, что тем самым спаситель упрочил доверие императора и свою власть.

Вслед за этим Майков обращает внимание на 62–65-ю главы четвертой книги, характеризующие трагедии этого времени: разрушение амфитеатра, под развалинами которого погибли тысячи римлян, и пожар на Целийском холме. Переводчик только фиксирует эти факты, но не переводит главы целиком или частично. Благодаря этому создается необходимый исторический фон, позволяющий опосредованно заострить проблему нравственной ответственности власть придержащего и ограниченности его человеческой свободы, о которой забывает Тиберий. На этом фоне ширящихся страданий народа Майков представляет перевод 67–70-й глав четвертой книги, в которых описаны затворничество Тиберия на острове Капрея, обстановка в Риме и история оговора и казни Тития Сабина, ставшая знаком беспрецедентной жестокости императора и преданного ему сената: «Взглянем между тем, что делалось в Риме. Настал новый год. Тиберий, письменно поздравил Сенат, требовал казни некоего Сабина, отпущенника Германика, единственного оставшегося друга его, гонимого семейством и обвиненного самым подлым образом: трое сенаторов забрались на чердак его дома, четвертый вошел к нему и в разговоре навел его на жалобы против худого житья (IV, 68, 69). Влекомый на казнь, [с закрытой головой и задавленным горлом] он кричал, как мог: “Вот как начинают новый год, вот жертвы Сеяна!” Везде, где раздавались его крики, куда ни обращались его взоры, поселялся ужас; все бежали, скрывались; улицы, площади пустели. Иные так возвращались и старались казаться равнодушными, ибо боялись даже за свой ужас. В самом деле, положение было ужасное: боялись произн[ести]-носить обыкновенные речи; посреди молитвы и жертвоприношений публично ставились виселицы и гремели цепи. Все знали, что это делалось с ведома Тиберия. Тогда обнаружилось, что его жестокость, рассчитанная, обдуманная (Тацит называ^{ет} Тиб^{ерия} *quaesitum, meditate-mque*²) требовала безустанно новых жертв; он хотел приучить римлян смотреть, как на вещи обыкновенные, как новые сановники, отворяя храмы, отворяли и темницы (К<нига> IV. 70)» [1. Л. 33]. Показательно, что саму историю оговора Сабина переводчик воспроизводит коротко, по-своему группируя факты, описанные Тацитом в трех главах, но в завершении этого сюжета дает близкий к тексту оригинала перевод предложения, описывающего нравственную обстановку в Риме в это

время: «Никогда в Риме не было такого ужаса и подозрений; родные боялись друг друга; не подходили при встрече, не говорили; все, незнакомые и ближние, все казались подозрительны; даже стены, даже немые, бездушные стены внушали осторожность и осмотрительность» [Там же].

Довершает портрет императора и характеристику эпохи перевод некоторых глав VI книги «Анналов». Майкова привлекает история знакомства Тиберия с астрологией и связанная с ней неожиданная история дружбы этого скрытного и подозрительного человека с астрологом Фрасилоллом, а также последовавшие за этим размышления Тацита о том, что, по мнению людей, управляет судьбой человеческой [1. Л. 33 об. – 34]. После этого Майков снова воспроизводит содержание глав, характеризующих нравственное состояние римского общества, сопровождая перевод следующим комментарием: «Посмотрите, до чего дошло положение вещей в римском мире! Граждане, желавшие играть роль в управлении, или делались доносчиками, или лъстецами: тех и других поминутно ожидала смерть: первых, если невинно обвиненный успеет оправдаться, вторых, как скоро приобретут некоторый предел или как скоро падет сановник, в каком они были в дружбе или в других связях. Оставалась одна часть: добродетельные и неспособные к подлости. А им одна участь: самоубийство. Этим объясняется, как самоубийство ввелось, проникло в учение стоиков и эпикурейцев. Тацит наполнен подобными местами <...>» [1. Л. 34]. Далее, в качестве подтверждения своего заключения Майков записывает истории Агриппины Старшей и Кокцея Нервы: «Вскоре после голодной смерти Агриппины [жены] строгой, гордой, плодоносной жены Германика <...> – Кокцей Нерва, неразлучный друг Тиберия, знаменитый своими глубокими познаниями в гражданском и священном праве (*«divini humanique iuris sciens»*)³, пользовавшийся полной милостью импер<атора> и не страдавая никакими телесными недугами, решился умереть. Тиберий, узнав об этом, не отпускал его от себя; умолял его оставить намерение свое, говоря, как больно ему потерять друга, как обидно для него и для его славы, что лучший из друзей его ищет смерти без всякой причины ненавидеть жизнь. Нерва, не внемля ничему, упорно отказывался от всякой пищи. Поверенные его мыслей рассказывают, что, будучи поражен бедствием отечества, которые он мог видеть ближе всех, он хотел, частью от негодования, частью от страха, найти себе конец достойный, умереть в то время, пока ни его слова, ни его поступки не были заклеяны позором ложного обвинения» [1. Л. 34 об.]. В процитированном фрагменте обращает на себя внимание, что Майков переводит 26-ю главу VI книги «Анналов», следуя оригиналу даже в сохранении многих особенностей синтаксиса.

Редуцируя описание последних лет жизни императора, Майков переводит только вторую часть последней главы шестой книги, подчеркивая, «как мастерски, в нескольких чертах, Тацит обрисовал характер Тиберия»: «Жизнь его и репутация были безукоризненны, пока он был частным человеком или управлял делами при Августе; по смерти Августа жизнь его представляет след<ующие> эпохи: пороки искусно скрываемые, и личина добродетели, [во время] при жизни Германика и Друза; смесь добра и зла до смерти матери; [жестокость]

бесчеловечная жестокость, и скрытность в разврате, при жизни Сеяна; наконец, [после него] *жестокость*, варварство, разврат вырываются наружу, когда уже свободный от страха и стыда, он предался вполне своему лютому нраву» [1. Л. 34 об.].

На оставшихся восьми листах дневника Майков более не упоминает о чтении Тацита, как и в немногочисленных сохранившихся письмах этого периода. Единственное косвенное замечание появляется лишь в письме М.П. Заблоцкому-Десятовскому от 25 января 1844 г., где, жалуясь на свое неумение писать прозой, Майков упоминает, что для исправления этого недостатка «...переводил из Тацита лучшие места, какие встречал, читая его еще в Риме» [12. Л. 1].

Таким образом, перевод и переложение некоторых глав «Анналов» Тацита при помощи ряда отдельных очерков, характеризующих важные, с точки зрения автора дневника, аспекты жизни римского государства той эпохи, воспроизводят в путевом дневнике Майкова образ Рима, созданный Майковым в результате переосмысления сочинения римского историка. Здесь очевидны не только интерес к Тациту и восторг его произведениями, но и критический отбор информации и стремление создать на этом материале философско-психологическое исследование эпохи и ее правителя, воплотившее всю диалектическую сложность времени и исторической личности. Майков вступает в творческий диалог с римским историком и на основании его сочинения строит свой текст, выявляя свои смысловые доминанты и по-своему расставляя акценты, как содержательные, так и формально-стилистические, о чем

свидетельствуют следы многочисленных исправлений при попытках сделать точный перевод ряда глав. Восхищаясь величием осмотренных памятников древней архитектуры (Колизея, цирка Ромула, дворцов, храмов), Майков размышляет о причинах падения Великой Римской империи. Читая после этого Тацита, он начинает осознавать закономерность этого процесса. Человеческие пороки, в которых погрязли императоры, не задумывавшиеся о своем нравственном облике и долге перед государством, в исторической перспективе стали одной из основных причин разрушения империи и массового обращения римлян в христианство.

В целом переводы фрагментов I–VI книг «Анналов» Тацита занимают значительное место в римской части путевого дневника Майкова 1842–1843 гг. Их появление в контексте дневникового целого связано с теми трансформациями, которые претерпевает каноническая жанровая форма путевого дневника в сознании его автора, постепенно преобразуясь в рабочую тетрадь или записную книжку. Переводы и переложения отрывков из Тацита становятся здесь одной из многочисленных форм использования «чужого» слова, отражают широкий диапазон интересов Майкова этого периода, которые закономерно развиваются и уточняются в постоянном диалоге с фактами европейской культуры. Введение в авторский текст дневника переводов, как и других форм интертекстуальности⁴, оказывается важным средством расширения смыслового пространства путевого дневника Майкова и свидетельствует о масштабе творческих поисков молодого художника в контексте окружающих его фактов европейской культуры разных эпох.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отдельные фрагменты путевого дневника А.Н. Майкова опубликованы мною [4. С. 117–131; 5; 6]. В случае цитирования этих фрагментов ссылки даются на издания [4–6]. В остальных случаях представлены ссылки на рукопись [1].

² Претворяющимся и тщательно обдумывающим (лат.).

³ Божественные и человеческие права знающий (лат.).

⁴ Об интертекстуальности в путевом дневнике А.Н. Майкова см.: [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Майков А.Н. Путевой дневник 1842–1843 гг. // ИРЛИ. 17305.
2. Златковский М.Л. А.Н. Майков. 1821–1897 г. : биографический очерк. 2-е изд., значит. доп. СПб., 1898.
3. Биевский В.С. Майков Аполлон Николаевич // Русские писатели 1800–1917 : биографический словарь. М. : Большая российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 453–458.
4. Майков А.Н. Путевой дневник 1842–1843 гг. (Публикация О.В. Седельниковой). Ч. 1 // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 гг. / отв. ред. Т.С. Царькова. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010.
5. Майков Аполлон. Порядок путешествия беспорядочных путешественников (фрагмент) / публ. О. Седельниковой // Europa orientalis. Studi e Ricerche sui Paesi e le Culture dell'Est Europeo. XXIX. 2010. S. 71–78.
6. Майков Аполлон. Из дневника / публ. О. Седельниковой // Русско-итальянский архив VIII / Archivio russo-italiano VIII, a c. di C. Diddi e A. Shishkin. 2011. S. 18–25.
7. Седельникова О.В. Свообразие проблематики и жанровой структуры путевого дневника А.Н. Майкова 1842–1843 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 333. С. 21–28.
8. Майков А.Н. Письма Н.В. Гербелю // РНБ. Ф. 179. № 68.
9. Седельникова О.В. Статьи А.Н. Майкова о выставках в Академии художеств и их значение в развитии эстетического сознания 1840–1850-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 3 (11). С. 81–96.
10. *Oeuvres complètes de Tacite traduites par Dureau de Lamalle*. Paris, 1817–1818. Vol. I–VI.
11. Майков А.Н. Письма. Публикация И.Г. Ямпольского // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 г. Л., 1980. С. 163–208.
12. Майков А.Н. Письмо М.П. Заблоцкому-Десятовскому // ИРЛИ. 17021.
13. Седельникова О.В. Интертекстуальность дневниковой прозы (на материале путевого дневника А.Н. Майкова 1842–1843 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 2 (14). С. 110–121.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 6 сентября 2012 г.